

УДК 94 (470.50)

РЕПРЕССИИ УЧЕНЫХ В БАССР В 30-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА© **К. К. Каримов**

*Уфимский государственный авиационный технический университет
Россия, Республика Башкортостан, 450000 г. Уфа, ул. К. Маркса, 12.
Тел./факс: +7 (347) 272 63 07.
E-mail: karimov.kavi@yandex.ru*

В статье рассмотрены необоснованные обвинения и репрессии по отношению ученых, работавших в БАССР. Показаны трагические судьбы интеллигенции республики из числа местных и приезжих кадров.

Ключевые слова: репрессии 1930-х годов, С. Н. Руденко, Башкирская экспедиция, директор вуза, директор научно-исследовательского института, ученый-генетик.

Репрессии коснулись всех представителей до-революционной интеллигенции, тех, которые аккумулировали в себе лучшие демократические традиции российской и национальной научной мысли. Также по так называемому «делу Султангалеева» в 1920-е годы пострадали активные участники и руководители краеведческого движения С. Х. Сюнчелей, А. К. Адигамов, Х. К. Габитов, А. А. Байшев, Г. Г. Вильданов, С. Г. Мрясов, Н. Т. Тагиров и другие.

Позднее один из руководителей агитационно-пропагандистского отдела обкома ВКП(б) Х. В. Хасанов писал: «Уклон в сторону местного национализма оформился в основном из остатков разгромленной контрреволюции Валидова, духовными вдохновителями которой были Биишев, Идельгужин и Адигамов. В своей борьбе против партии эти уклонисты свою буржуазно-националистическую позицию обосновывали отрицанием дифференциации среди башкирского населения, отрицанием классовой борьбы и утверждением, что валидовское правительство было внеклассовое правительство» [1, с. 15].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в ходе сворачивания НЭПа все более откровенно стали заявлять о дальнейшем обострении классовой борьбы в стране в связи с якобы возрастающим сопротивлением социалистическим преобразованием со стороны людей, явившихся носителями мелкобуржуазной идеологии. Руководители и активные члены краеведческих обществ, в основном представители непролетарских слоев, были причислены к такой категории людей, о которой в газете «Красная Башкирия» ответственный работник отдела Башкирского обкома ВКП(б) И. Шныра писал следующее: «...У нас находятся люди, которые прикрываясь именем “научных обществ”, занимаются прямым вредительством на культурном фронте», «Таких людей надо выметать железной метлой из наших организаций. Именно железная метла должна коснуться Башкирского научного общества». Далее в корреспонденции приводятся данные о социальном прохождении членов общества по изучению Башкирии: служащих – 56, крестьян – 75, рабочих – 4, с высшим образованием – 61, членов ВКП(б) – 34. Среди них – бывших членов валидовского прави-

тельства – 4, султангалиевцев – 3, перечислены также один бывший муфтий, сын ишана, сын муфтия, бывший член Государственной Думы и прочие «антисоветские элементы». В конце статьи дается директивный метод: «В ближайшее время соответствующие органы почистят ряды Научного общества» [2].

Постановлением коллегии Башнаркомпроса во исполнение распоряжений областного комитета ВКП(б) в январе 1932 г. [3, л. 30] общество по изучению Башкирии было упразднено. Многие его активные члены подвергались репрессиям.

Ученых, как правило, обвиняли в мировоззренческих и политических ошибках. Что касается представителей исторической науки, то преследованиям подвергались последователи М. Покровского, умершего в 1932 г., в языкознании – противники Н. Марра, в биологии – критики антинаучной концепции Т. Лысенко.

В августе 1930 г. в Уфе был арестован руководитель Башкирской комплексной экспедиции АН СССР профессор С. И. Руденко, проходивший по следственному делу так называемой контрреволюционной монархической организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России», яркими представителями которой были академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и др. Он обвинялся в том, что, вступив в ряды указанной организации, занимались систематической пропагандой идей, содержащих призыв к свержению Советской власти путем вооруженного восстания и иностранной интервенции, и установлению конституционно-монархического строя [4, с. 15]. Органами НКВД он был включен в группу заговорщиков из числа научных сотрудников АН СССР, связанных с экспедиционной работой. Их обвинили в том, что они «...использовали свое служебное положение в учреждениях Академии Наук и занимались систематическим вредительством в области экспедиционных исследований», которое выражалось «в бесцельной трате государственных средств на экспедиции, лишенные научного и практического значения; в сокрытии результатов экспедиционных исследований, имеющих актуальное практическое значение для развития народного хозяйства СССР», а также в использовании экспедиционных выездов

для «организации антисоветского движения на окраинах СССР (Якутия, Башкирия и др.), поддержке местных контрреволюционных элементов» [5, с. 173–174].

После печально известного III пленума Башкирского обкома ВКП(б), проходившего 4–6 октября 1937 г., были репрессированы директора всех трех вузов Башкирии: педагогического – профессор С. Ш. Абзанов (смещенный до этого с должности), медицинского – профессор С. М. Трайнин, сельскохозяйственного – доцент Г. А. Габдуллин; директора научно-исследовательских институтов – национальной культуры А. С. Амантаев, промышленности – Бахтиев, социалистической реконструкции сельского хозяйства (переименованный в «НИИ земледелия и животноводства»), переведенный незадолго до этого на должность директора научно-исследовательской станции шелководства, Ф. Н. Тухватуллин. Если первых обвинили в буржуазном национализме, приверженности к «валидовщине», в организации повстанческих отрядов в целях свержения Советской власти и т.д., то последнему инкриминировали вину в приверженности идеям буржуазного экономиста Чаянова, в воспрепятствовании внедрению какой-то английской капусты, долженствующей давать по 50 тонн массы с гектара и, наконец, в подрыве обороноспособности страны тем, что плохо заботился о дубовом шелкопряде [6, с. 48–49]. Ф.Тухватуллин обвинялся еще и в том, что помогал издавать книгу административно ссыльному профессору-генетику В. Н. Слепкову и пропагандировал его идеи.

Репрессиям подверглись профессоры-обществоведы М. А. Мусаев, Х. В. Хасанов, литературовед Ш. Ш. Шахретдинов, башкирские филологи и общественные деятели М. А. Баимов, Г. Я. Давлетшин, Г. А. Давлетшин, историки К. Г. Гирфанов, Б. М. Мансуров, искусствовед М. А. Магадеев и другие. Были уволены с работы, а затем репрессированы обвиненные в троцкизме профессора Башкирского пединститута: зоолог А. С. Щепотьев, историки С. А. Покровский, М. С. Кармин, находившиеся в Уфе под надзором органов НКВД.

Уфа, как и в дореволюционные годы, оказалась местом ссылки неблагонадежных. Здесь в политической ссылке находился выдающийся историк, первый выборный ректор Московского университета академик М. К. Любавский, обвиненный по так называемому делу «контрреволюционной организации историков». В 1932–1936 гг. ученый сотрудничал с Институтом национальной культуры. Директор института, известный филолог и писатель А. С. Амантаев привлек его к изучению земельных отношений в Башкортостане и башкирских восстаний. Крупный специалист в области исторической географии и истории русской колонизации М. К. Любавский подготовил монографии «Очерк башкирских восстаний в XVII–XVIII вв.», «Очерки по истории башкирского землевладения и

землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.», «Помещики-мусульмане и их крепостные в Башкирии в XVIII и XIX веках», ученый стал составителем двух сборников документов по истории Башкирии XVII–XVIII веков. Материалы, собранные М. К. Любавским, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в отделе рукописных фондов Института истории России РАН и в архиве Уфимского научного центра РАН, и сегодня не утратили научной ценности.

В Уфу был сослан еще один ученый, обвиненный в принадлежности к «контрреволюционной организации историков», профессор Московского университета Л. Б. Кафенгаузен. В 1930–1933 гг. он в качестве внештатного преподавателя занимался со студентами социально-экономического отделения Башкирского педагогического института, числился научным сотрудником Башкирского комплексного научно-исследовательского института промышленности. В плане научных исследований института на 1933 г. значится его исследование на тему «Географическое размещение промышленности в Башкирской АССР во второй пятилетке» (объем в 15 п.л.) [7, л. 2].

В 1934–1936 гг. в Уфе в административной ссылке, после освобождения из тюрьмы, находился ученый-генетик, автор известных в конце 1920-х гг. книг «Евгеника», «Биология и марксизм», профессор Московского зоотехнического института В. Н. Слепков – брат профессора Института Красной профессуры А. Н. Слепкова, одного из руководителей антисталинского «Союза марксистов-ленинцев». В Уфе он работал в медицинском и педагогическом институтах, консультировал лабораторию дубового шелкопряда и НИИ социальной реконструкции сельского хозяйства. Вместе с женой продолжал опыты над мушкой дрозофил. В 1936 г. в Уфу повидаться с другом приезжал выдающийся советский ученый-генетик Н. П. Дубинин [8, с. 176].

Репрессии ученых, молодых научных сотрудников имели трагические последствия не только в результате физической расправы над ними, но и для оставшихся в живых специалистов. В атмосфере подозрительности и недоверия к людям интеллектуального труда, царившей в общественно-политической жизни 1930-х гг., происходила дисквалификация ученого, остановка становления квалифицированного научного работника, крушение его планов и надежд.

Репрессиям подвергались не только люди науки, которым еще предстояло в ней активно работать, под угрозой находилось будущее самой науки, перспективные ее направления, определявшие в скором будущем уровень республиканской и отечественной науки. Правильную мысль высказал видный английский философ и общественный деятель Бертран Рассел в книге «Практика и теория большевизма», написанной в 1920 г. в результате поезд-

ки по Советской России: «Невозможно ожидать расцвета научных исследований в дальнейшем, если перекрыть сам источник. Этот источник – пытливый свободный ум, не стесненный догмами» [9, с. 38–39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасанов Х. В. От вымирающей колонии к цветущей социалистической республике // 15 лет Советской Башкирии: Сб. статей. Уфа, 1934. С. 15.
2. Шныра И. // Красная Башкирия. 1930, 12 января.
3. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 798. Оп. 1. Д. 2604. Л. 30.
4. Решетов А. М. С. И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 15.
5. Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. 230 с.
6. Султанбеков Б. Ф. Фатых Тухватуллин: судьба посланца Сталина // История в лицах (Историко-документальные очерки). Казань, 1997. С. 48–49.
7. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 12. Д. 509. Л. 2.
8. Писарева С. Слепков Василий Николаевич // Возвращенные имена: Документальные очерки. Казань, 1990. С. 176.
9. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.

Поступила в редакцию 04.06.2012 г.

После доработки – 19.03.2013 г.